Online First

Вестник международных организаций. 2026. Т. 21. № 3. С.
Научная статья
УДК 327.5
JEL: F51
doi:10.17323/1996-7845-2026-03-04

Международные визиты как маркер дружественности стран по отношению к России в 2010-2024 гг. [1]

А.Н. Фартышев, И.Б. Ивлев

Фартышев Арсений Николаевич – кандидат географических наук, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН; Российская Федерация, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1; доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета; Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла-Маркса, 1; fartyshev.an@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5392-8633

Ивлев Илья Борисович – лаборант лаборатории георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН; Российская Федерация, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1; студент Исторического факультета Иркутского государственного университета; Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла-Маркса, 1; IlyaIvlev2003@yandex.ru; ORCID 0009-0009-3110-8827

Аннотация

Статья выводит на новый уровень анализ визитной активности высших должностных лиц России в концептуальной рамке теории геополитического положения с опорой на анализ больших данных, с введением оригинальной классификации визитов и с особым вниманием к изменчивости пространственных векторов российской внешней политики. Авторы вводят в дискуссию о природе политических визитов новое понимание количественного анализа визитов, через расчёт относительного количества визитов, типизации визитов и целеполагания визитов. Зарубежные визиты, с одной стороны, являются маркером геополитического позиционирования страны, а, с другой стороны, зависят от политико-географических условий и текущей конъюнктуры взаимоотношений между государствами, при этом не всегда свидетельствуют о дружественности государств. Составлен обширный обзор исследований визитной деятельности государств, представлены собственные статистические данные по международным визитам в Россию и из России за период 2010-2024 гг. (n=8250) с выделением уровня визитов и статуса визитёров, составлены подробные таблицы в разрезе мезорегионов, и интеграционных систем. Зафиксированы тенденции сдвига внешнеполитической активности за исследуемый

[1] Статья поступила 18.03.2026, принята к публикации 08.07.2026
© Фартышев А.Н. Ивлев И.Б., 2026
Материалы распространяются в соответствии с лицензией CC BY-NC 4.0

период, такие как усиление сотрудничества со странами Азии, сокращение визитной деятельности со странами НАТО-ЕС, рост визитной активности со странами Африки, хотя он и неравномерен по континенту, наибольшую визитную активность Россия проявляет с внеблоковыми странами, такими как Иран, Монголия, КНДР и Израиль. Показаны особенности визитной активности России, такие как преобладание визитов направленных на военно-техническое сотрудничество со странами АСЕАН и Западной Африки, визитов типа дипломатических консультаций с Ираном, экономических визитов с арабскими странами и др. Отмечены особенности дипломатии с малыми странами, такие как стремление в первую очередь, заключить договора о нераспространении оружия в космосе (Суринам, Сьерра-Леоне, Буркина-Фасо, Мали), выявлены белые пятна визитной активности (Ботсвана, Либерия, Лесото), подчеркнута особенность резкого изменения визитной активности со странами Восточной Европы. Указанные динамические процессы трансформации визитной дипломатии картографически проиллюстрированы, что подчеркивает перспективность политико-географического подхода в исследованиях международных отношений.

Ключевые слова: политическая география, геополитика, визиты, геополитическое положение, недружественность, международные визиты, визитная деятельность.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-77-10048 «Категории "недружественность" и "географическое влияние" в контексте геополитического положения и их экономико-географическое значение для России и Сибири, в частности».

https://rscf.ru/project/23-77-10048/

За помощь в сборе данных благодарим также Инкижинову А. А., студентку кафедры международных отношений Байкальского государственного университета. За вычитку Жирнову Л. С., научного сотрудника Института международных исследований МГИМО (У).

Для цитирования: Фартышев А.Н. Ивлев И.Б. Международные визиты как фактор дружественности стран по отношению к России в 2010-2024 гг.// Вестник международных организаций. 2026. Т. 21. № 3. С. (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2026-03-04

Введение

Геополитическое положение стран и регионов является одной из базовых категорий в официальных документах стратегического планирования и российском общественно-политическом дискурсе, но понимания критериев выгодности или невыгодности геополитического положения нет. Согласно концепции геополитического ландшафта, многомерное понятие геополитического положения выражается в трёх параметрах геополитических субъектов (государств, интеграционных объединений, регионов и др.): в географическом влиянии, выражаемом в уровне связанности субъектов друг с другом и притяжении их основных демографических и экономических центров; геополитической силе (или совокупной мощи), выражаемой в валовых показателях жесткой, экономической, мягкой силы; политическом отношении между ними [Fartyshev, 2025]. Политическое отношение между геополитическими субъектами может быть выражено как некоторый параметр по шкале дружественность-враждебность, что используется в

политической науке как оценке двусторонних и трёхсторонних взаимоотношений и конкретных международных событий.

В 2022 г. Правительство России опубликовало Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц», в результате чего произошла институционализация одной из главных составляющих геополитического положения – политического отношения между странами, и рефлексия о сущности этого явления только нарастает [Fartyshev et al., 2025]. Если выделение "чужих" прошло довольно чётко (хотя постоянно происходит дополнение вышеупомянутого указа), то выделение субъектов максимально дружественных – тема более дискуссионная. В реальности же в международных отношениях для России, равно как и для любой другой страны, имеется несколько степеней дружественности-враждебности, которые выражаются в различных степенях интеграции или, напротив, санкционного давления.

Различные научные группы работают над представлением дружественности-враждебности: количественные подходы к пониманию дружественности-враждебности как интегральной характеристики строятся на экспертных опросах [Nesmashnyi et al., 2022], балльных оценках [Pototskaya, 2018], с использованием метода главных компонент [Safranchuk et al., 2023], с помощью ивент-анализа, т.е. суммы оценок событий, происходящих в одной стране по отношению к другой [Dashkina, 2019]. Более подробный обзор представлен в работе Д.А. Дегтерёва [Degterev, 2019].

Визитная деятельность регулярно выступает объектом исследований в политологии, но, как правило, они затрагивают только отдельные страны или состояние отдельных двусторонних отношений, например, России и Индонезии [Efimova, 2014], Никарагуа [Cherkasov, 2025] и др., или отношения в треугольниках, например, Россия-США-Китай [Degterev, 2015a] или Россия-Вьетнам-Китай [Luzyanin, 2022]. Визиты представителей супердержав в более слабые страны могут свидетельствовать не столько о дружественности, сколько о позиции лидерства и гегемонии [Lee, Kim, 2024], что иллюстрируется примерами визитов представителей Турции в республики Центральной Азии [Bilgin, Bilgiç, 2011] или Ирана в африканские страны [Balci, 2024]. Наоборот, паломничества Папы Римского в нехристианские страны показывают влияние уже не столько сверхдержавы, сколько влияния теократического лидерства [Barbato, 2020]. Некоторые визиты становятся судьбоносными и входят в историю, такие как встреча президентов СССР М.С. Горбачёва и президента США Дж. Буша-ст. на борту авианосца «Максим Горький» в Мальте в 1989 г. или личная встреча в Анкоридже В.В. Путина и Д. Трампа 15 августа 2025 г. Государственные визиты не только влияют на политические аспекты дружественности государств: есть корреляционная связь визитов с экономическими показателями взаимодействия двух стран, что доказано на нескольких примерах [Beaulieu et al., 2012; Kodila-Tedika, Khalifa, 2024; Nitsch, 2007]. В целом визитная деятельность создаёт глобальную сеть коалиций и кластеров дружественных-недружественных стран, не фиксируемых жёсткими нормативно-правовыми актами, что представляет одну из сторон мягкой силы.

Визиты на высшем уровне следует классифицировать по различным целям, уровням и сущности. Государственный визит является высшей стадией межгосударственного доверия и выполнятся в соответствии с особым дипломатическим протоколом, который также является особым объектом изучения геополитических взаимоотношений стран [Goldstein, 2008]. Помимо

государственных визитов существуют официальные визиты, рабочие визиты, визиты в личном качестве, дипломатические проколы которых различаются. Также лидеры стран проводят многосторонние встречи на саммитах и форумах (например, встреча лидеров стран СНГ или саммит Шанхайской организации сотрудничества), визиты на территории третьих стран в рамках многосторонних переговоров и встречи в рамках заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Большое значение имеют неформальные встречи, которые, как правило, не попадают в официальные каналы пресс-служб. Визиты конкурирующих и враждующих сторон вовсе не исключены, но они проходят, как правило, на территории третьих стран, традиционно оказывающих функции медиаторов (Швейцария, ОАЭ, Саудовская Аравия) или максимально удалённых от конкурирующих сторон. Всё большее значение стали играть телефонные звонки между лидерами государств, попадающие в сообщения СМИ, а с 2020 г. с пандемийных ограничений в практику международной коммуникации вошли и видеоконференции, а очные встречи между лидерами государств и министрами иностранных дел чаще проводятся в рамках многосторонних саммитов и форумов [Kozlov, Linlin, 2024].

Наиболее комплексная оценка совокупной визитной деятельности российской элиты была осуществлена политико-географами В.А. Колосовым и Р.Ф. Туровским ещё в начале века [Kolosov, Turovsky, 2000; Kolossov, Turovsky, 2001]. На протяжении более 20 лет больше не проводились попыток комплексного анализа внешнеполитических визитов высших должностных лиц Российской Федерации, вместе с тем визитная деятельность России значительно преобразилась как по своей географической структуре, так и по своему функциональному наполнению. Самым новым из подобных исследованием является катарско-турецкое исследование 2063 визитов российских политических элит с 1991 по 2023 гг., где анализируются факторы-предикторы визитов, но не сама их динамика и геополитические сдвиги [Aras, Fazlioglu, 2025]. Сегодня наблюдается общемировая тенденция роста общей международной напряжённости и расхождения позиций полюсов геополитического порядка и роста международной неопределённости, но несмотря на это, визиты продолжают играть значимое влияния для формирования коалиционности государств. Отсюда возникает цель данного исследования – комплексный анализ феномена международных визитов и выявление особенностей географической и структурной трансформации визитной деятельности России.

Данные

Упомянутые исследования В.А. Колосова базировались на бюллетенях и отчётах о внешнеполитической деятельности, издаваемых Министерством иностранных дел России, которые обладают некоторой погрешностью из-за неучёта неформальных визитов, недоучёта визитов лидеров верхней и нижней палаты парламента, недоучёта рабочих встреч. Зарубежные исследования визитной деятельности, как правило, базируются на автоматизированных системах больших данных Global Database of Events, Location and Tone (GDELT), собирающих данные из средств массовой информации и Google, но особенностью её является опора на англоязычные источники информации, из-за чего возникает перекос выборки и недостаток данных, тем не менее эта система часто используется в других политико-географических исследованиях [Fangqu, Bingcheng, 2025]. Существуют собранные базы данных международных поездок по отдельным периодам и персоналиям, например, президентов Бразилии [de Faria, Paradis, 2013] или Си Цзиньпиня [Zuenko, Osokin, 2024], но они имеют ограниченное применение.

Поэтому авторами была самостоятельно собрана база данных внешнеполитических визитов российских высших лиц на основе официальных сайтов Президента РФ [President of Russia, n.d.], Министерства Иностранных дел [MFARF, n.d.] Правительства РФ [Russian Government, n.d.] (с 2012 г.) [Archive, The Russian Government, n.d.] (до 2012 г.), Совета Федерации РФ [Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, n.d.], Государственной Думы РФ [State Duma, n.d.], а также из средств массовой информации «Коммерсант» [Kommersant, n.d.], ТАСС [TASS, n.d.], «Взгляд» [VZ, n.d.], Известия [IZ, n.d.], РИА Новости [RIA, n.d.] и др.

В базу включались именно двусторонние встречи, поскольку, согласно концепции билатерализма, именно переговоры двух акторов до сих пор являются базовым структурным элементом системы международных отношений и более эффективно позволяют выстроить коммуникацию между странами [Davydov, 2022; Badie et al., 2011]. Современные межгосударственные взаимодействия всё больше переходят на формат форумной дипломатии и разнообразных саммитов («ОДКБ», «Россия-НАТО», «G8» и др.), которые обладают особой спецификой взаимодействий, но и в рамках них проходят двусторонние переговоры, которые и стоят в фокусе нашего исследования. Исключением являлись форматы многостронних дипломатических переговоров, вроде «нормандской четвёрки», которые фиксировались нами в базе данных.

Итоговая база данных содержит 8250 визитов, зафиксированных с 2010 по 2024 г., и включает страну контакта, дату, ранг встречающихся лиц (монарх (Mo), президент (Pt), премьер-министр (Pm), министр иностранных дел (Mf), министр обороны (Md), министры иных отраслей политики (Mr) или другие высокопоставленные чиновники (Rd)) город или место встречи, тип коммуникации (государственный визит, рабочий визит, неформальный визит, встречи в рамках форума, встречи в рамках саммитов, телефонный звонок, видеоконференция) и ссылку для верификации данных.

Методология

В данном исследовании базовой оптикой рассмотрения визитной активности является политико-географический подход к международным отношениям, предполагающий выявление пространственных трансформаций политических процессов и явлений [Okunev, 2019]. Геополитическую карту можно рассматривать как сеть взаимоотношений субъектов с учётом их геополитической силы, пространственной удалённости и политического отношения между субъектами, выраженного в шкале дружественность-враждебность [Fartyshev et al., 2025].

Фундаментальное отличие политико-географического подхода от базовых концепций международных отношений – понятие геополитического ландшафта, из которого «соткана» изменчивая политическая карта [Fartyshev, 2025]. Геополитический ландшафт составляет комбинацию физико-географических искажений пространства, полимаштабности уровней политического пространства, институциональных и политических отношений между субъектами. Субъектами могут выступать не только государства, являющиеся только частью многоуровневой системы политического пространства; существуют также и наднациональные акторы (интеграционные объединения), субнациональные акторы (отдельные регионы государств) и вненациональные (территории под международной юрисдикцией), в рамках которых происходит взаимоотношения. Большое внимание в политической географии уделяется локусам политической событий, географической привязке

политических событий к элементам геоинформационной системы [Elatskov, 2012] и особенностям искажений картографической проекции [Adelgareeva, 2015].

В рамках данной парадигмы мы рассматриваем международные визиты как один из факторов формирования геополитического ландшафта. Данные по визитам представлены по мезорегионам, сходным классическому делению ООН, но объединённым по группам. Такая же разбивка стран по регионам представлена в работе: [Kolossov, Turovsky, 2001] что позволяет проводить сравнительный анализ с ранее опубликованными данными. Более контрастно география визитов показывает особенности геополитического ландшафта по интеграционным системам, идентифицированных из геополитической матрицы соседства [Okunev, Kushnareva, 2023]. При этом государства в рамках интеграционных объединений формируют обширные коалиции с разной степенью жёсткости. Вместе с тем, в современных международных отношениях невозможно не учитывать явление накладывающегося регионализма, который возникает из-за того, что государства одновременно являются членами нескольких региональных организаций, иногда и противоборствующих, что и создаёт особый геополитический ландшафт [Panke, Stapel, 2016].

Данные о визитах представлены как в абсолютном, так и в относительном выражении. Поскольку размер выделенных регионов и интеграционных систем чрезвычайно различается по числу стран, в таблице даны относительные значения в пересчёте на 1 страну.

Важно заметить, что в данной статье нет цели досконального описания деталей двусторонних отношений с каждой страной, которые, безусловно, важны в отдельных аспектах. Мы полагаем, что это задача для специалистов регионоведов и страноведов, а для нас важно показать общие пространственные тенденции визитной деятельности.

Результаты

Динамика международных визитов

В.А. Колосовым отмечалось, что в 1991-1994 гг. после распада СССР “сальдо” визитов из положительного превратилось в отрицательное, что отражало спад интереса к нашей стране в мире и утрату ею статуса глобальной державы. В исследуемом периоде 2010-2024 гг. отрицательное сальдо аналогичным образом наблюдается, и по-прежнему входящих визитов больше, чем исходящих, но это может трактоваться и повышенным интересом к России со стороны зарубежных визитёров. Исключительным стал 2022 г., когда в шоковых условиях Россия принялась особенно интенсивно искать новых партнёров из Африки и Азии, из-за чего возник всплеск исходящей активности.

Географическое распределение зарубежных визитов отечественных лидеров показывает явный дрифт геополитического позиционирования от европейского вектора, характерного для 1990-2000х гг., к евразийскому и африканскому (табл. 1). Если в 90х годах Россия “ушла” из Африки, сократила свою активность в Латинской Америке и некоторых регионах Азии, то в 2010х-20х гг., напротив, фиксируется рост визитной активности. В Южной и Восточной Азии наблюдается умеренный рост входящих визитов с ~34-39 в 2010–2012 гг. до ~51–61 в 2023–2024 гг., при этом пиковым годом визитной активности является крайний допандемийный 2019 г. с 137 суммарным количеством визитов (2.11 визитов на страну). Это отражает поворот в сторону Азии, соответствующий евразийской интеграции и стратегическому партнерству с этими странами, но доковидного уровня сотрудничества даже в 2024 г. не было достигнуто. Значительный рост наблюдается в Африке с 19 исходящими визитами в 2010 г. до 102-110 визитов в 2023–2024 гг. и с 10 входящих визитов до 42-51 в 2022-2024 гг. Африка становится ключевой альтернативной ареной для России,

причём особо привлекательна именно зона Сахеля, где произошёл ряд антифранцузских военных переворотов в 2021 г. и восточная часть Африки, что вылилось в принятие Эфиопии в БРИКС, а также южная часть Африки, где влияние России только начало усиливаться, и только отдельные страны оказываются «белыми» пятнами на карте визитной активности России – это Либерия, Ботсвана, Лесото. По представленным данным мы можем сказать, что Россия «вернулась» в Африку после затишья 1990х – начала 2010х гг. Умеренный, но стабильный рост наблюдается и в Латинской Америке, особенно после 2015 г., хотя и не в той же степени, что с Африкой. На Ближнем Востоке (передней Азией) устойчивое присутствие с пиками в 2015-2019 гг. и после 2023-2024 гг, что свидетельствует о целенаправленном дипломатическом расширении в сторону незападных регионов, особенно после принятия западных санкций.

При этом важно заметить существенную особенность обмена визитами России с Африкой и Юго-Восточной Азией – визиты касаются больше не экономического взаимодействия, а военно-технического. Это особенно проявляется во взаимоотношениях с Лаосом и Мьянмой, с которыми Россия стала проводить много регулярных военных учений, несмотря на их удалённость.

География визитов в разрезе по интеграционным системам показывает чётче геополитические процессы (табл. 2). Наиболее стабильными партнёрами России являются страны, которые наиболее тесно связаны с ней интеграционными процессами – Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Армения. Количество исходящих визитов в эти страны неуклонно растет, достигнув пика в 2022 г.: 111 исходящих визитов (по 10.09 визитов на страну) и 47 входящих визитов (4.27 визитов на страну). Большое количество взаимных визитов в большей мере связано с регулярными саммитами и встречами на уровне министерств СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, форума «Россия-Центральная Азия». В результате приостановки членства Армении в ОДКБ и переориентации её на встречи с европейскими лидерами следует ожидать сокращения визитной активности России с ней.

Драматичное падение фиксируется со странами НАТО-ЕС с более чем 100 исходящих визитов в 2010, 2013 и 2014 гг. (2.29-2.71 визита на страну), до 14-16 визитов в 2023-2024 гг. Схожее, почти семикратное падение наблюдается и среди входящих визитов со странами, олицетворяющими понятие «Коллективного Запада», но вместе с тем характерно заметить, что на таком небольшом уровне сохраняется визитная активность, которая даже больше чем со странами Восточноафриканского сообщества (ВАС-ИГАД) и Центральноафриканской интеграционной системы (СЕМАК-ЭКОЦАС). Наиболее выросшим по визитной активности является Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и Лиги арабских государств (ССАГПЗ-ЛАГ), с которыми в 2015-2019 гг. было более 100 взаимных визитов, что даже больше, чем со странами СНГ, но в пересчёте на страну – 4.67-5.95 визитов в год на страну. Отдельное внимание удалятся странам АСЕАН+3, рост которых во многом в абсолютных значениях синхронен с арабскими странами, но со значительной просадкой в 2020-2022 гг., но в относительном показателе даже превышает ССАГПЗ-ЛАГ по входящим визитам.

В последнее время очень активную роль стала играть Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС, но поскольку они являются скорее консультационными площадками, чем полноценными интеграционными объединениями, уровень взаимных встреч остаётся не на таком высоком уровне.

Одними из самых посещаемых стран, особенно в период после начала СВО, являются страны, которые сложно однозначно отнести к какому-либо из региональных политико-экономических блоков: Иран, Монголия, КНДР. Категория

«изолированных» стран заметно увеличивается после 2014 г. и достигает пика в 2015–2018 гг., а затем снова после 2022 г. Это отражает взаимодействие с политически маргинальными, находящимися под санкциями (как в случае Ирана и КНДР), что соответствует логике «сети санкций». Если в случае КНДР изоляция является её собственным выбором, то для Ирана изоляция отражает скорее внешнее политическое влияние. И именно с Ираном идентифицировано самое большое число взаимных визитов представителей России за весь исследуемый период – 355 очных встреч, большинство из которых касаются координации дипломатических действий в виде политических консультаций и встреч в рамках обсуждения иранской ядерной программы. Монголия выбивается из этого круга, поскольку является изолятом ввиду физико-географического положения, но не политического, и придерживается политики нейтралитета (так называемая политика «третьего соседа») и поэтому избегает глубокой региональной интеграции [Geldenhuys, 2011]. Невступление стран-изолятов в интеграционные блоки компенсируется высокими связями с Россией, стремящейся к сотрудничеству со странами, не имеющими политической ангажированности.

Радикальное падение произошло в обмене визитами с Восточной Европой, где в 2010 гг. была более высокая активность, чем с Западной Европой. Обострения российско-украинского конфликта, произошедшие сначала в 2014 г., а затем в 2022 гг., породили структурные геополитические сдвиги, которые в большей мере отразились не столько на странах Запада, сколько именно на Восточной Европе, более остро ощущающей украинские кризисы. Этому есть несколько причин: 1) политика памяти и мемориализация аналогичных событий у себя. События Специальной Военной операции особенно отражаются эхом в Чехии о событиях Пражской весны, Литве о событиях в Вильнюсе 1991 г., а в Польше проводятся прямые аналогии событий в Катыни и в Буче, что накладывает отпечаток на сотрудничество стран с Россией; 2) географическая и культурная близость народов Восточной Европы с Украиной позволяет именно им больше сопереживать и принимать проукраинскую позицию в конфликте; 3) до 2014 г. в период «европейского вектора» внешней политики России в Восточной Европе были политические надежды на плотное сотрудничество до 2014 г. и посредничество при усложнении взаимоотношений России с Европой. Так, президент Чехии Вацлав Клаус во время визита президента Д. Медведева в Прагу 8 декабря 2011 г. предлагал: «Если Вы боитесь, что случится с евро, может быть, часть своих резервов Вы могли бы перевести в чешские кроны».

Показатели стран Северной Америки остаются крайне низкими на протяжении всего периода (не более 10 визитов в год), а после 2014 г. значения исходящих близки к нулю. Активность взаимоотношений России и США наблюдалась при президентстве Б. Обамы в США и Д. Медведева в России. Стороны также коммуницировали в рамках саммитов, но количество непосредственно двусторонних встреч невелико. Это отражает раннее и устойчивое политическое отстранение, даже до «разрыва» после 2022 г. Поэтому Аляскинский саммит в Анкоридже 15 августа 2025 г., где очно встретились В.В. Путин и Д. Трамп, стал действительным прорывом в доверии.

Таблица 2

География визитов политических лидеров в 2010-2024 гг. по мезорегионам

год	Западная Европа	Восточная Европа	СНГ	Южная и Восточная Азия	Передняя Азия	Латинская Америка	Северная Америка	Африка	Всего
Исходящие визиты из России									
2010	36 (1.5)	39 (2.43)	42 (3.5)	44 (1.15)	26 (1.73)	16 (0.5)	3 (1)	19 (0.35)	225 (12.1)
2011	50 (2.08)	22 (1.37)	39 (3.25)	27 (0.71)	15 (1)	18 (0.56)	0 (0)	25 (0.46)	196 (9.44)
2012	26 (1.08)	24 (1.5)	41 (3.41)	43 (1.13)	17 (1.13)	17 (0.53)	1 (0.33)	21 (0.38)	190 (9.51)
2013	48 (2)	46 (2.87)	28 (2.33)	44 (1.15)	31 (2.06)	20 (0.62)	4 (1.33)	32 (0.59)	253 (12.9)
2014	34 (1.41)	13 (0.81)	44 (3.66)	35 (0.92)	32 (2.13)	22 (0.68)	0 (0)	42 (0.77)	222 (10.4)
2015	35 (1.45)	9 (0.56)	38 (3.16)	51 (1.34)	44 (2.93)	25 (0.78)	5 (1.66)	45 (0.83)	252 (12.7)
2016	49 (2.04)	18 (1.12)	27 (2.25)	49 (1.28)	56 (3.73)	26 (0.81)	1 (0.33)	31 (0.57)	257 (12.1)
2017	47 (1.95)	20 (1.25)	53 (4.41)	59 (1.55)	60 (4)	27 (0.84)	1 (0.33)	69 (1.27)	336 (15.6)
2018	41 (1.70)	16 (1)	39 (3.25)	62 (1.63)	49 (3.26)	20 (0.62)	1 (0.33)	57 (1.05)	285 (12.8)
2019	43 (1.79)	29 (1.81)	42 (3.5)	57 (1.5)	57 (3.8)	23 (0.71)	2 (0.66)	108 (2)	361 (15.7)
2020	15 (0.62)	7 (0.43)	26 (2.16)	18 (0.47)	23 (1.53)	8 (0.25)	0 (0)	31 (0.57)	128 (6.06)
2021	31 (1.29)	8 (0.5)	52 (4.33)	24 (0.63)	39 (2.6)	20 (0.62)	1 (0.33)	47 (0.87)	222 (11.1)
2022	13 (0.54)	7 (0.43)	66 (5.5)	22 (0.57)	29 (1.93)	17 (0.53)	0 (0)	37 (0.68)	191 (10.2)
2023	6 (0.25)	1 (0.06)	66 (5.5)	34 (0.89)	47 (3.13)	19 (0.59)	0 (0)	102 (1.88)	275 (12.3)
2024	2 (0.08)	10 (0.62)	51 (4.25)	54 (1.42)	39 (2.6)	26 (0.81)	0 (0)	110 (2.03)	292 (11.8)
Входящие визиты в Россию									
2010	41 (1.70)	24 (1.5)	43 (3.58)	34 (0.89)	10 (0.66)	30 (0.93)	10 (3.33)	10 (0.18)	202 (12.8)
2011	30 (1.25)	30 (1.87)	31 (2.58)	39 (1.02)	12 (0.8)	16 (0.5)	6 (2)	27 (0.5)	191 (10.5)
2012	35 (1.45)	18 (1.12)	28 (2.33)	36 (0.94)	16 (1.06)	16 (0.5)	2 (0.66)	25 (0.46)	176 (8.56)
2013	46 (1.91)	23 (1.43)	26 (2.16)	39 (1.02)	12 (0.8)	18 (0.56)	3 (1)	39 (0.72)	206 (9.63)
2014	43 (1.79)	21 (1.31)	31 (2.58)	57 (1.5)	20 (1.33)	22 (0.68)	2 (0.66)	24 (0.44)	220 (10.3)
2015	50 (2.08)	23 (1.43)	27 (2.25)	49 (1.28)	27 (1.8)	32 (1)	3 (1)	36 (0.66)	247 (11.5)
2016	37 (1.54)	17 (1.06)	30 (2.5)	67 (1.76)	34 (2.26)	25 (0.78)	4 (1.33)	34 (0.62)	248 (11.8)
2017	36 (1.5)	21 (1.31)	22 (1.83)	60 (1.57)	34 (2.26)	28 (0.87)	9 (3)	35 (0.64)	245 (13.0)
2018	31 (1.29)	17 (1.06)	36 (3)	55 (1.44)	40 (2.66)	27 (0.84)	4 (1.33)	52 (0.96)	262 (12.6)
2019	44 (1.83)	25 (1.56)	47 (3.91)	80 (2.10)	45 (3)	30 (0.93)	8 (2.66)	34 (0.62)	313 (16.6)
2020	12 (0.5)	9 (0.56)	24 (2)	12 (0.31)	19 (1.26)	8 (0.25)	1 (0.33)	6 (0.11)	91 (5.33)
2021	25 (1.04)	11 (0.68)	41 (3.41)	29 (0.76)	18 (1.2)	19 (0.59)	5 (1.66)	35 (0.64)	183 (10.0)
2022	5 (0.20)	4 (0.25)	45 (3.75)	38 (1)	27 (1.8)	15 (0.46)	2 (0.66)	47 (0.87)	183 (9.01)
2023	3 (0.12)	3 (0.18)	41 (3.41)	51 (1.34)	32 (2.13)	24 (0.75)	1 (0.33)	42 (0.77)	197 (9.06)
2024	4 (0.16)	5 (0.31)	54 (4.5)	61 (1.60)	34 (2.26)	29 (0.90)	2 (0.66)	51 (0.94)	240 (11.3)

Общая сумма

2010	77 (3.20)	63 (3.93)	85 (7.08)	78 (2.05)	36 (2.4)	46 (1.43)	13 (4.33)	29 (0.53)	427 (2.18)
2011	80 (3.33)	52 (3.25)	70 (5.83)	66 (1.73)	27 (1.8)	34 (1.06)	6 (2)	52 (0.96)	387 (1.98)
2012	61 (2.54)	42 (2.62)	69 (5.75)	79 (2.07)	33 (2.2)	33 (1.03)	3 (1)	46 (0.85)	366 (1.87)
2013	94 (3.91)	69 (4.31)	54 (4.5)	83 (2.18)	43 (2.86)	38 (1.18)	7 (2.33)	71 (1.31)	459 (2.35)
2014	77 (3.20)	34 (2.12)	75 (6.25)	92 (2.42)	52 (3.46)	44 (1.37)	2 (0.66)	66 (1.22)	442 (2.26)
2015	85 (3.54)	32 (2)	65 (5.41)	100 (2.63)	71 (4.73)	57 (1.78)	8 (2.66)	81 (1.5)	499 (2.55)
2016	86 (3.58)	35 (2.18)	57 (4.75)	116 (3.05)	90 (6)	51 (1.59)	5 (1.66)	65 (1.20)	505 (2.58)
2017	83 (3.45)	41 (2.56)	75 (6.25)	119 (3.13)	94 (6.26)	55 (1.71)	10 (3.33)	104 (1.92)	581 (2.97)
2018	72 (3)	33 (2.06)	75 (6.25)	117 (3.07)	89 (5.93)	47 (1.46)	5 (1.66)	109 (2.01)	547 (2.80)
2019	87 (3.62)	54 (3.37)	89 (7.41)	137 (3.60)	102 (6.8)	53 (1.65)	10 (3.33)	142 (2.62)	674 (3.45)
2020	27 (1.12)	16 (1)	50 (4.16)	30 (0.78)	42 (2.8)	16 (0.5)	1 (0.33)	37 (0.68)	219 (1.12)
2021	56 (2.33)	19 (1.18)	93 (7.75)	53 (1.39)	57 (3.8)	39 (1.21)	6 (2)	82 (1.51)	405 (2.07)
2022	18 (0.75)	11 (0.68)	111 (9.25)	60 (1.57)	56 (3.73)	32 (1)	2 (0.66)	84 (1.55)	374 (1.91)
2023	9 (0.37)	4 (0.25)	107 (8.91)	85 (2.23)	79 (5.26)	43 (1.34)	1 (0.33)	144 (2.66)	472 (2.42)
2024	6 (0.25)	15 (0.93)	105 (8.75)	115 (3.02)	73 (4.86)	55 (1.71)	2 (0.66)	161 (2.98)	532 (2.72)

Баланс визитов

2010	5 (0.20)	-15 (-0.9)	1 (0.08)	-10 (-0.2)	-16 (-1.0)	14 (0.43)	7 (2.33)	-9 (-0.1)	-23 (0.62)
2011	-20 (-0.8)	8 (0.5)	-8 (-0.6)	12 (0.31)	-3 (-0.2)	-2 (-0.0)	6 (2)	2 (0.03)	-5 (1.09)
2012	9 (0.37)	-6 (-0.3)	-13 (-1.0)	-7 (-0.1)	-1 (-0.0)	-1 (-0.0)	1 (0.33)	4 (0.07)	-14 (-0.9)
2013	-2 (-0.0)	-23 (-1.4)	-2 (-0.1)	-5 (-0.1)	-19 (-1.2)	-2 (-0.0)	-1 (-0.3)	7 (0.12)	-47 (-3.3)
2014	9 (0.37)	8 (0.5)	-13 (-1.0)	22 (0.57)	-12 (-0.8)	0 (0)	2 (0.66)	-18 (-0.3)	-2 (-0.0)
2015	15 (0.62)	14 (0.87)	-11 (-0.9)	-2 (-0.0)	-17 (-1.1)	7 (0.21)	-2 (-0.6)	-9 (-0.1)	-5 (-1.2)
2016	-12 (-0.5)	-1 (-0.0)	3 (0.25)	18 (0.47)	-22 (-1.4)	-1 (-0.0)	3 (1)	3 (0.05)	-9 (-0.2)
2017	-11 (-0.4)	1 (0.06)	-31 (-2.5)	1 (0.02)	-26 (-1.7)	1 (0.03)	8 (2.66)	-34 (-0.6)	-91 (-2.6)
2018	-10 (-0.4)	1 (0.06)	-3 (-0.2)	-7 (-0.1)	-9 (-0.6)	7 (0.21)	3 (1)	-5 (-0.0)	-23 (-0.2)
2019	1 (0.04)	-4 (-0.2)	5 (0.41)	23 (0.60)	-12 (-0.8)	7 (0.21)	6 (2)	-74 (-1.3)	-48 (0.86)
2020	-3 (-0.1)	2 (0.12)	-2 (-0.1)	-6 (-0.1)	-4 (-0.2)	0 (0)	1 (0.33)	-25 (-0.4)	-37 (-0.7)
2021	-6 (-0.2)	3 (0.18)	-11 (-0.9)	5 (0.13)	-21 (-1.4)	-1 (-0.0)	4 (1.33)	-12 (-0.2)	-39 (-1.1)
2022	-8 (-0.3)	-3 (-0.1)	-21 (-1.7)	16 (0.42)	-2 (-0.1)	-2 (-0.0)	2 (0.66)	10 (0.18)	-8 (-1.1)
2023	-3 (-0.1)	2 (0.12)	-25 (-2.0)	17 (0.44)	-15 (-1)	5 (0.15)	1 (0.33)	-60 (-1.1)	-78 (-3.2)
2024	2 (0.08)	-5 (-0.3)	3 (0.25)	7 (0.18)	-5 (-0.3)	3 (0.09)	2 (0.66)	-59 (-1.0)	-52 (-0.4)

Таблица 3

География визитов политических лидеров в 2010-2024 гг. по геополитическим блокам

год	ОДКБ-ЕАЭС-СНГ	НАТО-ЕС	АСЕАН+3	СААРК	ССАГПЗ-ЛАГ	ЗАЭВС-ЭКОВАС	СЕМАК-ЭКОЦАС	ВАС-ИГАД	ЮАТС-САДК	МЕРКОСУР-ЛАИ	ЦА-4-СИКА	ОВКГ-КАРИКОМ	АНЗЮС-ТС	Изоляты
Исходящие визиты из России														
2010	41 (3.72)	81 (1.8)	26 (1.85)	9 (1.12)	29 (1.38)	6 (0.4)	0 (0)	0 (0)	6 (0.4)	9 (0.75)	6 (0.75)	1 (0.07)	3 (0.21)	8 (2.75)
2011	39 (3.54)	74 (1.64)	13 (0.92)	9 (1.12)	21 (1)	3 (0.2)	4 (0.57)	3 (0.42)	5 (0.33)	14 (1.33)	4 (0.5)	0 (0)	0 (0)	7 (2.75)
2012	41 (3.72)	51 (1.13)	25 (1.78)	6 (0.75)	23 (1.09)	3 (0.2)	3 (0.42)	4 (0.57)	3 (0.2)	10 (0.91)	6 (0.75)	1 (0.07)	6 (0.42)	8 (3.5)
2013	28 (2.54)	102 (2.26)	23 (1.64)	4 (0.5)	36 (1.71)	8 (0.53)	2 (0.28)	2 (0.28)	9 (0.6)	13 (1.08)	5 (0.62)	2 (0.23)	10 (0.71)	9 (3.75)
2014	44 (4)	48 (1.06)	13 (0.92)	6 (0.75)	48 (2.28)	4 (0.26)	0 (0)	7 (1)	14 (0.93)	16 (1.33)	6 (0.75)	0 (0)	2 (0.14)	14 (6)
2015	38 (3.45)	53 (1.17)	24 (1.71)	9 (1.12)	49 (2.33)	4 (0.26)	6 (0.85)	8 (1.14)	16 (1.06)	16 (1.33)	8 (1)	1 (0.07)	3 (0.21)	17 (8)
2016	27 (2.45)	72 (1.6)	36 (2.57)	4 (0.5)	61 (2.90)	5 (0.33)	1 (0.14)	6 (0.85)	5 (0.33)	19 (1.83)	4 (0.5)	3 (0.23)	3 (0.21)	11 (8)
2017	52 (4.72)	74 (1.64)	28 (2)	12 (1.5)	69 (3.28)	17 (1.13)	7 (1)	10 (1.42)	18 (1.2)	20 (1.75)	4 (0.5)	3 (0.23)	3 (0.21)	19 (9.25)
2018	39 (3.54)	60 (1.33)	31 (2.21)	13 (1.62)	59 (2.80)	12 (0.8)	9 (1.28)	5 (0.71)	15 (0.93)	15 (1.33)	4 (0.5)	1 (0.23)	3 (0.28)	19 (9.25)
2019	42 (3.81)	80 (1.77)	35 (2.5)	10 (1.25)	72 (3.42)	26 (1.73)	16 (2.28)	14 (2)	27 (1.73)	16 (1.33)	2 (0.25)	5 (0.46)	1 (0.07)	15 (6.25)
2020	26 (2.36)	24 (0.53)	9 (0.64)	1 (0.12)	30 (1.42)	5 (0.33)	6 (0.85)	7 (1)	3 (0.4)	6 (1.08)	1 (0.37)	1 (0.15)	0 (0)	9 (7.25)
2021	52 (4.72)	42 (0.93)	10 (0.71)	6 (0.75)	50 (2.38)	8 (0.53)	9 (1.28)	4 (0.57)	11 (1.06)	14 (2.25)	6 (1.12)	0 (0.30)	0 (0.07)	10 (6)
2022	66 (6)	23 (0.51)	7 (0.5)	5 (0.62)	36 (1.71)	10 (0.66)	5 (0.71)	5 (0.71)	5 (0.46)	13 (1.66)	4 (0.5)	0 (0)	0 (0)	12 (9)
2023	65 (5.90)	12 (0.26)	19 (1.35)	7 (0.87)	66 (3.14)	21 (1.4)	25 (3.57)	12 (1.71)	20 (1.33)	10 (1.08)	9 (1.25)	0 (0)	0 (0)	9 (7)
2024	51 (4.63)	15 (0.33)	28 (2)	11 (1.37)	60 (2.85)	39 (2.6)	21 (3)	8 (1.14)	17 (1.2)	16 (1.66)	10 (1.37)	0 (0)	0 (0)	16 (7.75)
Входящие визиты в Россию														
2010	43 (3.90)	77 (1.71)	15 (1.07)	9 (1.12)	13 (0.61)	1 (0.06)	1 (0.14)	2 (0.28)	1 (0.06)	24 (2)	6 (0.75)	0 (0)	3 (0.21)	7 (2)
2011	30 (2.72)	67 (1.48)	22 (1.57)	9 (1.12)	24 (1.14)	0 (0)	0 (0)	7 (1)	7 (0.73)	12 (1.08)	4 (0.5)	0 (0)	3 (0.42)	6 (1.5)
2012	27 (2.45)	57 (1.26)	22 (1.57)	5 (0.62)	18 (0.85)	1 (0.06)	0 (0)	8 (1.14)	11 (0.8)	15 (1.25)	1 (0.12)	0 (0)	8 (0.57)	3 (0.75)
2013	25 (2.27)	74 (1.64)	22 (1.57)	8 (1)	19 (0.90)	7 (0.46)	5 (0.71)	6 (0.85)	9 (0.73)	12 (1)	6 (0.75)	0 (0)	3 (0.21)	10 (2.75)
2014	31 (2.81)	67 (1.48)	31 (2.21)	8 (1)	25 (1.19)	2 (0.13)	3 (0.42)	3 (0.42)	7 (0.66)	18 (1.5)	3 (0.37)	1 (0.07)	6 (0.42)	15 (3.75)
2015	26 (2.36)	81 (1.8)	30 (2.14)	3 (0.37)	30 (1.42)	4 (0.26)	7 (1)	4 (0.57)	12 (0.73)	14 (1.16)	15 (1.87)	3 (0.23)	5 (0.42)	13 (4.75)
2016	30 (2.72)	62 (1.37)	42 (3)	7 (0.87)	37 (1.76)	6 (0.4)	3 (0.42)	8 (1.14)	7 (0.46)	21 (1.75)	3 (0.37)	1 (0.07)	8 (0.64)	13 (4.75)
2017	21 (1.90)	72 (1.6)	40 (2.85)	6 (0.75)	44 (2.09)	4 (0.26)	1 (0.14)	1 (0.14)	11 (0.73)	20 (1.66)	5 (0.62)	3 (0.23)	5 (0.35)	12 (3.25)
2018	35 (3.18)	60 (1.33)	32 (2.28)	8 (1)	47 (2.23)	7 (0.46)	4 (0.57)	2 (0.28)	23 (1.6)	19 (1.58)	4 (0.5)	4 (0.38)	1 (0.07)	16 (4)
2019	46 (4.18)	85 (1.88)	44 (3.14)	11 (1.37)	53 (2.52)	1 (0.06)	2 (0.28)	3 (0.42)	9 (0.53)	24 (2)	4 (0.5)	2 (0.15)	16 (1.14)	13 (3.25)
2020	23 (2.09)	29 (0.64)	6 (0.42)	3 (0.37)	12 (0.57)	1 (0.06)	0 (0)	1 (0.14)	2 (0.4)	6 (0.5)	0 (0.12)	2 (0.23)	1 (0.14)	5 (1.5)
2021	40 (3.63)	45 (1)	13 (0.92)	10 (1.25)	21 (1)	7 (0.46)	3 (0.42)	9 (1.28)	10 (0.86)	8 (0.91)	11 (1.37)	0 (0)	0 (0)	6 (1.5)
2022	45 (4.09)	15 (0.33)	24 (1.71)	7 (0.87)	34 (1.61)	8 (0.53)	6 (0.85)	4 (0.57)	17 (1.4)	5 (0.5)	8 (1)	2 (0.15)	0 (0)	8 (2)
2023	41 (3.72)	10 (0.22)	30 (2.14)	10 (1.25)	37 (1.76)	11 (0.73)	3 (0.42)	5 (0.71)	13 (1.06)	16 (1.41)	5 (0.62)	3 (0.23)	0 (0)	13 (3.25)
2024	54 (4.90)	17 (0.37)	32 (2.28)	10 (1.25)	44 (2.09)	15 (1)	4 (0.57)	5 (0.71)	10 (0.73)	19 (1.58)	8 (1.25)	2 (0.15)	0 (0)	20 (5)

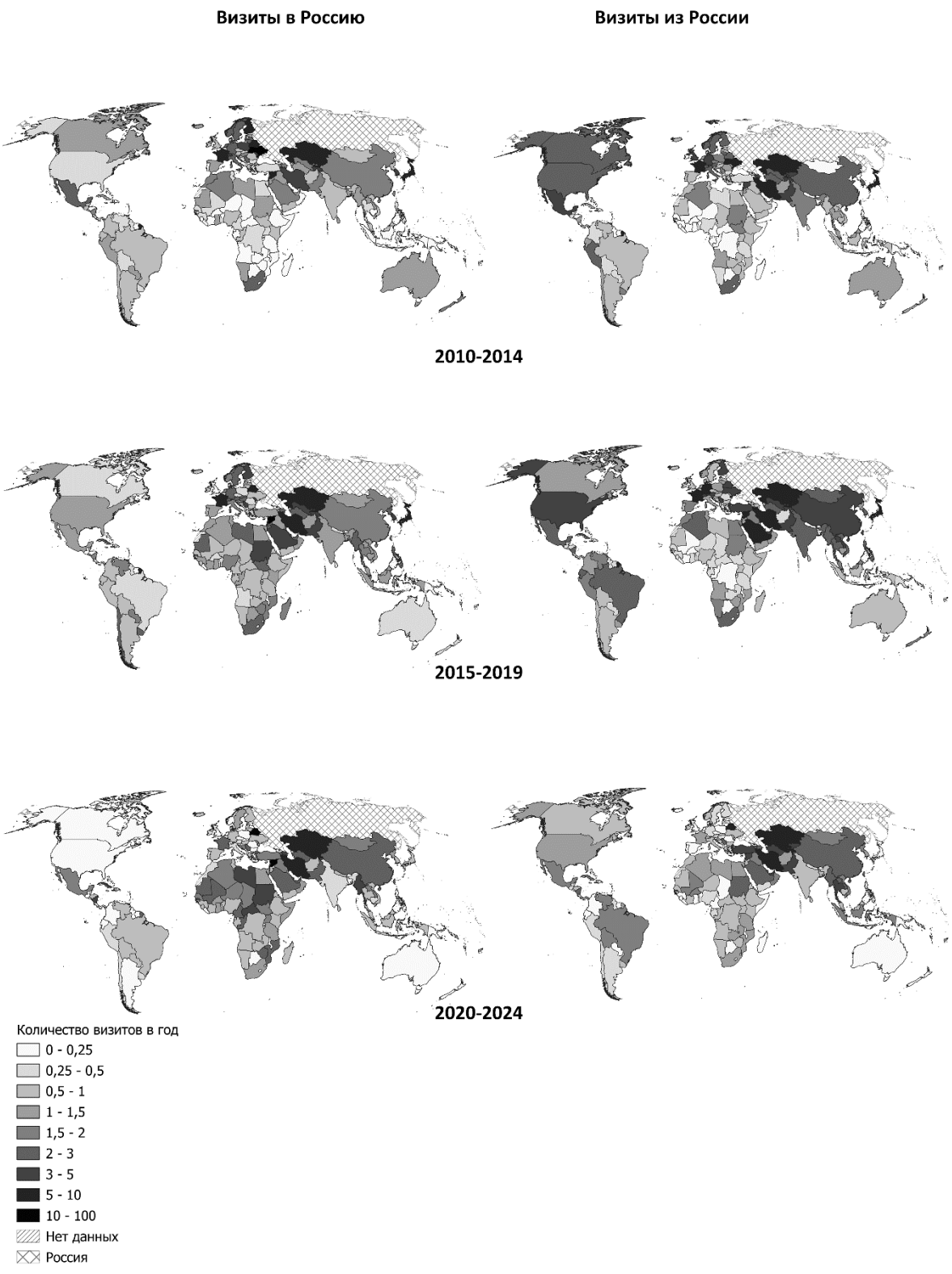

Рис. 1. Визитная активность российских высших должностных лиц в 2010-2024 гг.

На основе анализа представленных таблиц можно предложить следующую периодизацию визитной активности России в 2010-2024 годах:

- 2010–2014 гг.: Относительный баланс и европейская ориентация. В этот период визитная деятельность России характеризуется относительно высокой активностью в Западной и Восточной Европе, странах НАТО–ЕС и постсоветских государствах. Количество исходящих и входящих визитов сравнительно сбалансировано, что указывает на сохраняющуюся интегрированную дипломатическую позицию. Дипломатия была сосредоточена на укреплении интеграции стран СНГ, сохранении прагматичных альянсов и сотрудничества с ЕС, восстановлении взаимопонимания с Соединенными Штатами и усилении стратегической координации с Китаем.
- 2015–2019 гг.: Переориентация и диверсификация. После 2014 г. наблюдается постепенное снижение взаимодействия с Западной Европой и странами НАТО–ЕС, сопровождающееся ростом активности в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Общее количество визитов достигает пика в 2017–2019 годах, что свидетельствует скорее о диверсификации, чем об изоляции.
- 2020–2024: Пандемический шок и вызванная санкциями перестройка. Шок от COVID-19 резко снизил общую мобильность высших должностных лиц в 2020 г.. После 2022 г. количество визитов, связанных с Западом, резко сократилось, в то время как связи с Азией, Ближним Востоком и Глобальным Югом усилились. Система стала более регионально концентрированной и политически избирательной.

На основе этой периодизации представлены картограммы визитной активности по выделенным периодам, визуализирующие полученные результаты (рис. 1).

Паттерны визитной дипломатии

Частота визитов говорит только об общих тенденциях геополитических сдвигов. Содержательное наполнение визитов имеет не меньшее значение, поскольку именно от него зависит и вектор развития и особенности двусторонних отношений. Если частые встречи на уровне президентов между странами СНГ являются достаточно очевидными, причём более явным фактором дружественности являются даже не столько государственные визиты, зарегулированные жесткими протокольными рамками, сколько большое количество неформальных встреч, где закладывается больший уровень доверия между политиками. Например, такое практиковалось Б.Н. Ельциным во взаимоотношениях с канцлером ФРГ Г. Колем в 1990х гг., получившее название «банной» дипломатии [Pavlov, 2005], а сегодня это больше относится к финской дипломатической традиции [Reynolds, 2025][2]. Так, помимо 10 традиционных неформальных саммитов и встреч глав СНГ, зафиксировано 8 личных неформальных встреч с президентом Беларуси, 2 визита с президентом Казахстана, по 1 встрече – с президентом Египта, а на уровне министерств с Малайзией, Саудовской Аравией, Таиландом, Францией. Исключительное значение в контексте неформальных встреч играют визиты иностранных делегаций в Россию на парад по случаю юбилеев Победы в Великой Отечественной Войне, отражая так называемую политику юбилеев («policy of anniversaries») в международных отношениях [Hom, 2017], когда знаковый юбилей становится символической причиной проявления дружественности-враждебности на

[2]Ещё одним проявлением неформальной дипломатии является «гольф-дипломатия», т.е переговоры высших должностных лиц во время игры в гольф, практикуемое в американской дипломатической традиции [Stambach, 2026].

государственном уровне. Поводом для рабочих визитов также достаточно часто становятся юбилейные даты дипломатического характера, как например, официальный визит президента Уганды Йовери Мусевени в Москву в 2011 г. приуроченной к 50-летию установления дипломатических отношений между странами.

Визиты внутри интеграционных объединений, как правило, приурочены к крупным форумам или саммитам: СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС, в рамках которых происходят как многосторонние встречи, так и двусторонние беседы, где представителем России выступает как президент, так и министр иностранных дел. Доля таких встреч в визитной активности доходит до 63%, и их количество с каждым годом растёт. Экономические форумы аккумулируют больше представителей стран, не входящих в интеграционные объединения с Россией, и малых стран, только ищущих возможности для сотрудничества. Такие встречи зачастую сводятся к экономическим вопросам, переговоры ведутся преимущественно на министерском уровне.

Наибольший пул двусторонних визитов за исследуемый период имеет цель наладить деловые контакты экономического характера. Здесь следует выделить несколько форм деловых визитов:

- двусторонние встречи, сопровождающиеся заключением меморандумов, которые часто носят только декларативный характер, часто не имеющие последствий;
- встречи в рамках экономических форумов, такие как Санкт-Петербургский экономический форум, форум «Россия-Африка» и т.д.;
- заседания межправительственных комиссий, создаваемые на уровне высших должностных лиц, и далее функционирующие на уровне встреч заместителей министров (наиболее плодотворно работающая в этом направлении межправительственная комиссия – российско-пакистанская, которая провела в исследуемый период 9 встреч);
- визиты представителей ведущих экспортно-ориентированных компаний в зарубежные страны, заключающие прямые договора с конкретными предложениями.

Как правило, контакты со странами, имеющими незначительное влияние на международной арене, происходят на уровне министерств иностранных дел на площадке Генассамблеи ООН, где малые и карликовые государства часто представлены на уровне высших лиц – президентов и премьер-министров, что создаёт возможность двусторонних контактов. Более продвинутым шагом коммуникации являются визиты на уровне министров иностранных дел или их заместителей. В ходе таких визитов частой практикой является заключение договоров о нераспространении оружия в космосе, что не несёт особых обязательств перед соответствующими странами, но является краеугольным камнем политики России в ООН. Подобные договоры были заключены в ходе первых визитов на министерском уровне в Суринам (2017), Сьерра-Леоне (2021), Буркина-Фасо (2024), Мали (2024). Важными акторами визитной активности являются заместители министра, представители Президента, Государственной Думы и Совета Федерации по международным делам, но поскольку они представляют только старший уровень руководства, они практически не заключают договоров, а проводят только политические консультации.

Обсуждение

Представленные результаты, с одной стороны, говорят о тенденциях, которые описываются во многих качественных исследованиях, и при первом взгляде могут показаться достаточно очевидными вещами для лиц, погружённых в тематику международных отношений России. Так, например, схожие классификации выделялись и зарубежными учёными-международниками, но с несколько иными

акцентами [Liu, 2022; Naqvi, Abbas, 2022], и представленное исследование дополняет выводы авторов. Но, с другой стороны, при более внимательном рассмотрении мы обращаем внимание на неравномерность распределения визитной активности по регионам, особенности взаимоотношений с определёнными странами и государствами, разницу в сутевой части визитов высших и высоких должностных лиц и общей географии трансформации внешней политики России. Интерес представляют даже не столько крайние случаи сдвига внешнеполитической активности России: «уход» из Европы и большее внимание к странам глобального Востока и Юга, что и зафиксировали представленные карты (рис. 1), а «срединные случаи», т.е. страны, которые остаются на равноудалении между позициями России и Запада, такие как Индия, страны Латинской Америки, страны Персидского залива и др. В этом контексте необходимо более глубокое исследование визитной активности не только российских высших должностных лиц, но и связей по принципу «все со всеми», что позволит применять метрики сетевых подходов к исследованиям международных отношений [Degterev, 2015b].

Вместе с тем, оценивая интенсивность двусторонних отношений через визиты, важно понимать сутевую часть визитов, статус визитёров, место проведения переговоров и сопоставимость схожих показателей с другими странами, что, к сожалению, часто остаётся без внимания специалистов-регионоведов. Визиты не обязательно свидетельствуют о дружественности стран или положении стратегического партнёрства, хотя и являются её составной частью. На примере наших данных мы можем проиллюстрировать это связью с голосованиями в Генеральной Ассамблее ООН: три наиболее активные страны по визитам с Россией в 2024 г. – это Беларусь, Иран и Сирия, а три наиболее сходные с Россией страны по голосованиям ООН – это КНДР, Беларусь и Никарагуа [Fartyshev Semenov, 2025].

Представленный обзор международных отношений и геополитической силы как ключевых геополитических факторов даёт возможность количественно оценивать сложный и многогранный концепт геополитического положения, показывая ситуацию в динамике. Вместе с тем представленная методика геополитического анализа имеет и свои ограничения, заключающиеся в следующих положениях:

- Проблема неполных данных и скрытых визитов. Поскольку источниками базы данных были открытые ресурсы, это не исключает того, что открытые источник содержат не всю информацию. Так, например, встречи на уровне военных министерств проходят в режиме повышенной секретности и могут не идентифицироваться через открытые источники. Также и контакты с подсакнционными странами, такими как КНДР и Иран, могут быть значительно чаще, чем фиксируется нашими методами. Кроме того, полуавтоматический сбор больших данных всегда имеет свои минусы «слепых пятен», которые не смогли быть компенсированы ни при автоматическом сборе, ни при перепроверке вручную.
- Проблема разностатусности визитёров. При анализе статусности визитёров важно понимать особенности политических систем, поскольку далеко не всегда президент является высшим лицом государства: в парламентских республиках, как, например, в Германии, де-факто первым лицом является канцлер, а теократических политических системах, например, в Иране, наивысшим по статусу лицом является верховный правитель аятолла. Неучёт особенностей политических систем возможно преодолеть ранжированием статусов визитёров.
- Проблема асимметричности международных визитов. Нами показано, что общее количество визитов, в целом отражает дружественность двух субъектов, но интерпретация ситуаций когда одна страна больше посещают другую, чем наоборот,

с одной стороны свидетельствует об асимметричной заинтересованности, а могут быть следствием соображений безопасности визитёров, что вносит свои искажения.

Заключение

Политико-географический подход к анализу международных взаимодействий даёт глубокое понимание картины мира или региона, позволяя объединять регионоведческие и отраслевые международные исследования в единую структуру политического пространства. Но необходимо понимать, что существует множество частных случаев международных отношений, которые изучаются в рамках специализированных исследований.

За представленный период визитная активность России обладала существенной динамикой, что связано как с изменчивостью внешнеполитического курса РФ, так и с политикой западных государств в отношении самой России, неоднократно совершавших недружественные действия. Основным результатом за представленный период стал дрейф визитной активности в сторону внутриевразийского пространства, усиление контактов с африканскими, азиатскими, и в меньшей мере с латиноамериканскими странами.

Представленный подход позволяет проводить углублённый анализ связей с государствами с различными политическими отношениями с учётом экономических параметров (объем внешней торговли, уровень внешних инвестиций, уровень международной кооперации, внешняя зависимость производственных цепочек), политических аспектов (направленность, представительность и статусность иностранных визитов политической элиты, деятельность зарубежных НКО, отражение стран и регионов во внешнеполитических нормативно-правовых актах или документах стратегического планирования), географическими данными (удалённость стран друг от друга, экономическое расстояние, степень инфраструктурной и природной барьерности границ).

База данных внешнеполитических визитов, как планируется, будет дополняться и уточняться. Она станет важным источником для исследований в области международных отношений и политической географии.

Список источников (references)

Adelgareeva A. V. (2015) Geographical Maps as an Instrument of Politics. *Comparative Politics*, vol.6, no.4(21), pp.40–44. Available at: https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-4(21)-40-44 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Aras B., Fazlioglu B. (2025) The brothers Karamazov go abroad: A dataset of Russian leaders' foreign visits. *The Review of International Organizations*, pp. 1–41. Available at: https://doi.org/10.1007/s11558-025-09584-5 (accessed 18 August 2026).

Archive, The Russian Government (n.d.) Available at: http://archive.government.ru/en/ (accessed 18 August 2026).

Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. (2011) Bilateralism. *International Encyclopedia of Political Science*, pp.147–149. Available at: https://doi.org/10.4135/9781412994163 (accessed 18 August 2026).

Balci A. (2024) Drivers of Iran's Africa Engagement: An Analysis of High-Level Leadership Visits. *Journal of Asian and African Studies*, vol.61, no.2, pp.64-90. Available at: https://doi.org/10.1177/00219096241291060 (accessed 18 August 2026).

Barbato M. P. (2020) Geopolitics of Papal Traveling: (Re)Constructing a Catholic Landscape in Europe. *Religions*, vol.10, no.11, pp.1-18. Available at:

https://doi.org/10.3390/rel11100525 (accessed 18 August 2026).

Beaulieu E., Lian Z., Wan S. (2020) Presidential Marketing: Trade Promotion Effects of State Visits. *Global Economic Review*, vol.49, no.3, pp.309–327. Available at: https://doi.org/10.1080/1226508x.2020.1792329 (accessed 18 August 2026).

Bilgin P., Bilgiç A. (2011) Turkey's «new» foreign policy toward Eurasia. *Eurasian Geography and Economics*, vol.52, no.2, pp.173–195. Available at: https://doi.org/10.2747/1539-7216.52.2.173 (accessed 18 August 2026).

Cherkasov A. I. (2025) Military Cooperation between Russia and Nicaragua at the Present Stage. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, vol.53, pp.65-79. Available at: https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.53.65 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Dashkina I. V. (2019) Application of the WEIS event analysis coding system to study Russia's relations with Caribbean basin: The cases of Nicaragua, Mexico, and Cuba. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 4, pp. 95–104. Available at: http://vestnikpolit.ru/articles/article/1231/?ysclid=mqxktyc63332767496 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Davydov A. A. (2022) An Approach to the Analysis of Bilateral Relations. *World Economy and International Relations*, vol.66, no.9. pp.111–118. Available at: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-9-111-118 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

de Faria C. A. P., Paradis C. G. (2013) Humanism and Solidarity in Brazilian Foreign Policy Under Lula (2003-2010): theory and practice. *Brazilian Political Science Review*, vol.7, no.2, pp.8–36. Available at: https://doi.org/10.1590/s1981-38212013000200001 (accessed 18 August 2026).

Degterev D. A. (2015a) Quantitative Methods in International Studies in Russia and Abroad. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol.13, no.2, pp.35–54. Available at: https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.41.3 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Degterev D. A. (2015b) Network analysis of international relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International relations*, no.4, pp. 119–138. Available at: https://mgimo.ru/library/publications/setevoy_analiz_mezhdunarodnykh_otnosheniy_/ (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Degterev D. A. (2019) *Quantitative Methods in Applied Analysis of International Relations*. Doctoral dissertation, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Available at: https://doi.org/10.13140/RG.2.2.28492.03206 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Efimova L.M. (2014) Russian-Indonesian Relations in the 21 Century. *MGIMO Review of International Relations*, vol.4, no.37, pp.73-81. Available at: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-4-37-73-81 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Elatskov A. B. (2012) Political Geospace as an Object of Research. I. Types and Limits of Spaces. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 7. Geology. Geography*, no.2, pp. 126–135. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-geoprostranstvo-kak-obekt-issledovaniya-i-vidy-i-predely-prostranstv?ysclid=mqxpivcw7b836728360 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Fartyshev A.N., Pisarenko S.V., Zhirnova L.S. (2025) Friendliness and Unfriendliness of Countries of the World as a Factor in the Modern Geopolitical Position of Russia and Siberia.

Bulletin of the Russian Geographical Society, vol.157, no.3, pp.359-378. Available at: https://doi.org/10.7868/S3034538325030078 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Fartyshev A.N., Semenov O.M. (2025) Geography of UN General Assembly Voting in 2024. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, vol.54, pp.49-60. Available at: https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Fartyshev A.N. (2025) The geopolitical landscape and Russia's position in multidimensional political space. *Frontiers in Political Science*, 7. Available at: https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1651223 (accessed 18 August 2026).

Fangqu N., Bingcheng X. (2025) Evaluation of geopolitical environment along the Belt and Road routes. *Journal of Geographical Sciences*, vol.35, no.10, pp.2186–2204. Available at: https://doi.org/10.1007/s11442-025-2408-2 (accessed 18 August 2026).

Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (n.d.) Available at: http://council.gov.ru/en/ (accessed 18 August 2026).

Geldenhuys D. (2011) *Isolated states : a comparative analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 782 p.

Goldstein E. (2008) The Politics of the State Visit. *The Hague Journal of Diplomacy*, vol.3, no.2, pp.153–178. Available at: https://doi.org/10.1163/187119108X323646 (accessed 18 August 2026).

Hom A. R. (2017) Patriots all around: Inter/national timing, round numbers, and the politics of commemorative critique. *Australian Journal of Politics and History*, vol.63, no. 3, pp.443–456. Available at: https://doi.org/10.1111/ajph.12373 (accessed 18 August 2026).

IZ (n.d.) Available at: https://iz.ru/ (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Kodila-Tedika O., Khalifa S. (2024) Official Visits and Foreign Direct Investment. The *Journal of International Trade & Economic Development*, vol.33, no.2, pp.316–342. Available at: https://doi.org/10.1080/09638199.2023.2175592 (accessed 18 August 2026).

Kolossov V. A., Turovsky R. F. (2000) Russia's Geoolitical Situation on the Treshold of the 21st Century: Realities and Prospects. *Polis. Political Studies*, vol.3, no.3, p.40. Available at: https://www.politstudies.ru/article/2740 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Kolossov V., Turovsky R. (2001) Russian geopolitics at the Fin-de-siecle. *Geopolitics*, vol.6, no.1, pp.141–164. Available at: https://doi.org/10.1080/14650040108407711 (accessed 18 August 2026).

Kommersant (n.d.) Available at: https://www.kommersant.ru/ (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Kozlov L.E., Linlin Y. (2024) Forums as an Instrument of Modern Foreign Policy of Russia and China. *Russian and Chinese Studies*, vol.8, no.2, pp.129–139. Available at: https://doi.org/10.17150/2587-7445.2024.8(2).129-139 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Lee J., Kim J. D. (2024) Travel to allies or adversaries? A compositional analysis of U.S. diplomatic visits. *Social Science Quarterly*, vol.105, no.4, pp.996–1013. Available at: https://doi.org/10.1111/ssqu.13348 (accessed 18 August 2026).

Liu F. (2022) Russia's Foreign Policy Over the Past Three Decades: Change and Continuity. Chinese *Journal of Slavic Studies*, vol.2, no.1, pp.86–99. Available at:

https://doi.org/10.1515/CJSS-2022-0004 (accessed 18 August 2026).

Luzyanin S.G. (2022) “Russia – Vietnam – China” triangle: current challenges, transformations and asymmetries. *Vietnamese Studies*, vol. 6, no. 4, pp. 4–12. Available at: https://doi.org/10.54631/VS.2022.64-117510 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MFARF)(n.d.) Available at: https://mid.ru/en/ (accessed 18 August 2026).

Naqvi A. H., Abbas S. Q. (2022) Russian South Asia Policy: From Estrangement to Pragmatism. *Strategic Studies*, vol.42, no.1, pp.97–115. Available at: https://doi.org/10.53532/SS.042.01.0011 (accessed 18 August 2026).

Nesmashnyi A. D., Zhornist V. M., Safranchuk I. A. (2022) International Hierarchy and Functional Differentiation of States: Results of an Expert Survey. *MGIMO Review of International Relations*, vol.15, no.3, pp.7–38. Available at: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-OLF2 (accessed 18 August 2026).

Nitsch V. (2007) State Visits and International Trade. *World Economy*, vol.30, no.12, pp. 1797–1816. Available at: https://doi.org/10.1111/J.1467-9701.2007.01062.X (accessed 18 August 2026).

Okunev I. Yu. (2019) Geography of International Relations: Structure and Elements of the World Political Space. *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol.13, no.3, pp.5–16. Available at: https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-5-16 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Okunev I. Yu., Kushnareva A. E. (2023) Alternative spatial weights matrices: Methodology and application in calculating LISA. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol.68, no.2, pp.390–413. Available at: https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.210 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Panke D., Stapel S. (2016) Exploring overlapping regionalism. *Journal of International Relations and Development*, vol.21, no.3, pp.635–662. Available at: https://doi.org/10.1057/S41268-016-0081-X (accessed 18 August 2026).

Pavlov N. V. (2005) *Germany's Foreign Policy in the Post-Bipolar World*. Moscow: Nauka, 4010 p. (in Russian).

Pototskaya T. I. (2018) *Geopolitics of Russia in the Post-Soviet Space*. Saratov: IPR Media, 160 p. (in Russian).

President of Russia (n.d.) Available at: http://en.kremlin.ru/ (accessed 18 August 2026).

Reynolds B. (2025) From Orient to Occident: Sauna diplomacy and Finland’s challenge to diplomatic culture. *Cooperation and Conflict*, vol.60, no.4, pp.953–977. Available at: https://doi.org/10.1177/00108367251352098 (accessed 18 August 2026).

RIA (n.d.) Available at: https://ria.ru/ (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Russian Government (n.d.) Available at: http://government.ru/en/ (accessed 18 August 2026)(in Russian).

Safranchuk I. A., Nesmashnyi A. D., Chernov D. N. (2023) Africa and the Ukraine Crisis: Exploring Attitudes. *Russia in Global Affairs*, vol.21, no.3, pp.159–180. Available at: https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-159-180 (accessed 18 August 2026).

Stambach A. (2026) Fragile bonds and strategic ties: the politics of friendship and affective alignment in US diplomacy. *Cambridge Review of International Affairs*, vol.14, no.1, pp. 1-

9. Available at: https://doi.org/10.4102/sajce.v14i1.1527 (accessed 18 August 2026).

State Duma (n.d.) Available at: http://duma.gov.ru/en/ (accessed 18 August 2026).

TASS (n.d.) Available at: https://tass.com/ (accessed 18 August 2026).

VZ (n.d.) Available at: https://vz.ru/about/staff.html (accessed 18 August 2026).

Zuenko I. Y., Osokin A. S. (2024) Diplomatic Geography of Xi Jinping: What the Statistics of the Chinese Leader's Foreign Visits Reveal. *MGIMO Review of International Relations*, vol.17, no.3, pp.100-116. Available at: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-100-116 (accessed 18 August 2026)(in Russian).

International Organisations Research Journal, 2026, vol. 21, no 3, pp.
Original Article
JEL: F51
doi:10.17323/1996-7845-2026-03-04

International visits of political elite as a marker of friendliness of states toward Russia in 2010-2023[3]

A.N. Fartyshev, I. B. Ivlev

Fartyshev Arseniy N. - Candidate of Sci. (in Geography), Head of Laboratory of Recourse Science and Political Geography, Institute of Geography V. B. Sochava SB RAS; Ulan-Batorskaya St., 1, Irkutsk, Russian Federation, 664033; Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, History Faculty Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation; fartyshev.an@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5392-8633

Ivlev Ilya B. - Laboratory Assistant, Laboratory of Recourse Science and Political Geography, Sochava Institute of Geography SB RAS; Ulan-Batorskaya St., 1, Irkutsk, Russian Federation, 664033; IlyaIvlev2003@yandex.ru; ORCID 0009-0009-3110-8827

Abstract

This article employs the theoretical framework of the theory of geopolitical position to analyse Russian senior officials' visit activity. It employs big data analysis and introduces an original classification of visits, paying particular attention to the shift in Russian foreign policy. The authors introduce a novel understanding of the ambiguity of simple quantitative counts of visits into the discussion on the nature of political visits, adding the relative number of visits, types of visits, and the purposes of visits. It is evident that foreign visits serve as a marker of a country's geopolitical positioning. However, it must be noted that such visits are not an absolute indicator of friendly relations between states. Instead, they are contingent on a multitude of factors, including but not limited to political and geographical conditions, as well as the prevailing state of relations between the involved nations. A comprehensive review of studies on state visit activity has been compiled, presenting original statistical data on international visits to and from Russia for the period 2010–2024 (n=8250), highlighting the level of visits and the status of visitors, with detailed tables organised by mesoregions and integration systems. A study of trends in shifts in foreign policy activity during the specified period has revealed several notable developments. These include an increase in cooperation with Asian countries, a decline in visit activity with NATO-EU countries, and a rise in visit activity with African countries, although this growth is uneven across the continent. Notably, Russia exhibits the highest visit activity with non-aligned countries such as Iran, Mongolia, North Korea, and Israel. The study under scrutiny highlights specific trends, such as the prevalence of visits focused on military-technical cooperation with ASEAN countries and West African nations, diplomatic consultations with Iran, economic visits to Pakistan, and others. The text goes on to identify features of diplomacy with small countries, including the conclusion of treaties on the non-proliferation of weapons in space (Surinam, Sierra Leone, Burkina Faso, Mali). It also identifies gaps in visit activity (Botswana, Liberia, Lesotho) and emphasises the sharp change in visit activity with Eastern

[3] This article was submitted 18.03.2026 and approved for publication 08.07.2026
© Fartyshev Arseniy N., Ivlev Ilya B., 2026
Materials are distributed under the CC BY-NC 4.0 license

European countries. The dynamic processes of transformation in visit diplomacy are illustrated cartographically, thereby emphasising the value of the political-geographical approach in the study of international relations.

Keywords: political geography, geopolitics, visits, geopolitical position, hostility, international visits, visiting activities.

Acknowledgments:. The author(s) declare that financial support was received for the research and/or publication of this article. Research funded by Russian Science Foundation Grant No. 23-77-10048, https://rscf.ru/project/23-77-10048/. Author is truly grateful for students in political sciences of Historical Faculty of Irkutsk State University and Inkizhinova A.A., spudent of Baikal State University.

For citation: Fartyshev A.N., Ivlev I. B. (2026) International visits of political elite as a marker of friendliness of states toward Russia in 2010-2023. *International Organizations Research Journal*, vol. 21, no. 3, pp. (in English) doi:10.17323/1996-7845-2026-03-04